

Владимир Ераносян

ЧЁРНАЯ КРЕПОСТЬ

Владимир Ераносян

ЧЕРНАЯ КРЕПОСТЬ

<https://litres.ru/74359827>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда враг сильнее и могущественнее тебя, когда твоему народу уготована участь быть изгнанным из родных земель и погибнуть в безлюдной пустыне, ты должен сделать выбор.

Ты можешь сбежать, спасая лишь себя и своих близких... Сдаться, смириться как все... Склонить голову перед жестоким врагом... Или возглавить сопротивление и стать героем. Поведение одного человека в час испытаний может перечеркнуть измену сотен предателей.

Судьба сделала из него вождя и полководца, который поднял знамя борьбы и указал армянам путь к свободе.

Офицер русской императорской армии, гордившийся заслуженными в боях с турками георгиевскими крестами, и одновременно самый известный герой армянской истории Андраник. Фатум вел его к славе, доблесть и милосердие превратили его имя в легенду. Но Андраник не был мифом, он был живым человеком, на долю которого выпала честь защитить свою родину и свой народ...

Содержание

Глава 1. Нож	4
Глава 2. Турок	12
Глава 3. Похороны	32
Глава 4. Заоблачный Царьград	37
Глава 5. Судьба	47
Глава 6. Дипломатия невест	56
Глава 7. Кровь	70
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Владимир Ераносян

ЧЕРНАЯ КРЕПОСТЬ

Глава 1. Нож

1876 год, Западная Армения, город Шапин-Карахисар

Это невозможно было описать словами. В глаза четырех соседских мальчуганов в буквальном смысле отпечатались ужас — они увидели, как в руках одиннадцатилетнего Андраника сверкнуло лезвие ножа.

Это было крупное лезвие — таким ножом вспарывали животы барашкам и разделявали туши на шкуры.

Впечатление, произведенное маленьким Андро, как называла Андраника его старшая сестра, изумило не только ее. Оно подействовало на сорвиголов, кичащихся своей неустрашимостью, как рычащая волчья пасть действует на не успевшего зарядить кремневое ружье непутевого охотника. Они впали в ступор, оказавшись перед лицом маленького, но не по годам свирепого хищника.

На улице было пусто, так что некому будет упрекнуть мальчишек в трусости. Они разбежались в одно мгновение ока! А ведь лидер этой ватаги, четырнадцатилетний Ваган, прослыл отъявленным малолетним преступником, уже

успевшим побывать в жандармском участке.

Назели стала свидетельницей несостоявшейся расправы, и теперь она смотрела на младшего брата по-другому. В ее глазах он в одночасье повзрослел. Как неожиданно...

Чудесным образом маленький Андраник преобразился из наивного мальчугана, то и дело достающего глупыми вопросами, в сказочного героя.

Взяв брата за руку, она потащила его домой. Но не силой. Их дом находился с другой стороны скалы, на которой возвышалась древняя византийская крепость, впоследствии превращенная сельджуками в свой форпост.

Назели на удивление не вредничала и не дергала запястье мальчика, как обычно, нарочито проявляя взрослую заботу. Она держала ладонь брата совершенно по-другому. Не как старшая сестра, заменившая ему маму. А как благодарная девушка, за чью якобы «поруганную» честь заступился тот, от которого можно было ждать лишь очередной глупый вопрос про какую-нибудь корову, лошадку или козлика, заблудившегося на горной тропинке. Да, чего угодно, но не мужского поступка!

— Ты что и впрямь собирался их зарезать? — теперь вопросы сыпались из нее. И любопытству сестры не было предела.

Андро словно отыгрывался на ее доселе пренебрежительном отношении к его любознательности. Он шел молча, и даже высвободил свою руку, чтобы поправить спрятанный за

пояс и скрытый жилеткой-елаком с прорезями для рукавов увесистый нож. Жилетку он донашивал за сестрой — в нее влезли бы и два Андраника, ведь красавица Назели ростом и статью сформировалась в покойную маму. В этой жилетке можно было спрятать целое ружье.

— Отвечай, ты что и взаправду мог бы его зарезать?! Не ответишь, я расскажу отцу!

Андро молчал, смакуя свой новый статус. Оказывается, он не так уж нетерпелив. Он словно изучал себя под воздействием новых обстоятельств, хотя так много хотелось спросить у сестры. Например, как она оказалась на этой улочке с противоположной стороны крепостной стены, что свисала над городом со скалистых утесов. И еще много чего хотелось узнать, но как же сладостно ощущать себя героем и носителем какой-то тайны!

— Ах так! Ну пеняй на себя! — обозлилась девушка, — Отец тебя по головке не погладит, когда узнает, что ты стащил из хлева его нож! Я знаю, где он его прятал. Он прятал его под бурдюком, чтобы турки не обвинили в хранении оружия! Выходит, ты мог накликать на всех нас беду!

Андро вдруг остановился. О чем-то с тревогой подумал. И, наконец, спросил, вернувшись в свое обычное состояние любопытного мальчугана:

— А почему армянам нельзя защищаться? Чем мы хуже других народов?

— А вот и не сажу! Раз ты мне не отвечаешь, то и я про-

молчу! — быстро нащупала слабое место братишки хитрющая Назели.

— Хорошо, если я отвечу тебе, ты расскажешь? — с мольбой поглядел на сестру Андро.

— Обещаю. — захлопала глазами Назели. — Ты бы его убил?

— Да. — честно ответил Андро.

— За что? — спросила сестра, приподняв брови от изумления.

— Он назвал тебя фахишой — турецкой подстилкой. Я бы убил его, если бы он не унес ноги.

— Глупыш! Это же он от злости! — рассмеялась тринадцатилетняя Назели, обнажив стройный ряд сверкающих белых зубов. Ее родинка над губой прыгала в такт ее заразительному смеху, — Этот глупец просто влюблен в меня по уши. И злится, что я от него нос ворочу. Как же ты недогадлив, братишка! Так бы и убил моего ухажера! Просто он хулиган, и его словарный запас скуден, как и хижина, в которой он живет со своей матерью тетей Астхик. По-другому он свои мысли и чувства выразить не может. В школу даже не ходит, как мы с тобой. Благо, наш отец понимает, что образование — лучшая защита от турок. Можно стать медицинской сестрой в госпитале и заслужить уважение самого мюдир^{*} или даже мутесарифа^{*}!

^{*}мюдир — начальник округа (нахиджие) в Османской

Турции (здесь и далее примечание авт.)

* мутесариф — должность выше мюдир в чиновничьей иерархии Османской империи.

Она заливалась смехом всю дорогу. А Андро было не до смеха, сестра ведь не шутила, когда говорила, что расскажет отцу об украденном ноже.

Причем, сделала она это сразу, как только брат с сестрой переступили порог местами обветшало, но просторного и чисто убранного жилища гончара.

Отец как всегда в поте лица трудился в мастерской, обогрванной в хлеву. Назели мигом рассказала папе о происшествии и отправилась во дворик как ни в чем не бывало плести свои корзины из виноградной лозы.

Андро стоял перед отцом, виновато понутив голову.

Неблагодарная Назели! Она так и не рассказала, почему армянам не разрешается себя защищать. Почему? И почему его отец-знатный в Карахисаре* слесарь и гончар не дал отпор тому турку, который разбил все кувшины, обозлившись на заявленную цену в три куруша* за кувшин. Ведь это цена чашки чая или пахлавыв в любой кофейне. Выходит, если бы отец потребовал лиру за кувшин, тот турок мог бы его безнаказанно убить!? Неужели его папа — трус...

Андро не знал по какой причине из его глаз хлынули слезы — то ли от того, что он боялся наказания, то ли оттого,

что он вдруг усомнился в храбрости родного отца и в его способности защитить честь семьи.

— Значит, ты взял без спроса нож... — вздохнул и помахал головой, не отвлекаясь от работы Торос. Невзгоды сделали из умельца-ремесленника, натруженные руки которого ловко крутили гончарный круг, успевая формировать из глины горлышко и корпус, истинного философа, всегда готового к очередной напасти, — Чтобы что?

* куруш — мелкая монета в Османской Империи, в одной османской лире сто курушей

* Карахисар — крепость и город, которые сыграли значительную роль в истории Османской империи. Вначале на высоте 1010 метров над уровнем моря на скалистом плато византийцы построили замок, окруженный зубчатыми стенами. В начале XIII века регион перешёл к туркам-сельджукам. Слово **Karahisarc** турецкого языка переводится как «**Чёрная крепость**».

— Отец, я хочу защитить нас всех. — рыдал Андраник, — И я не знаю, почему тот турок разбил твои кувшины. И почему ты не убил его этим ножом.

— Тогда бы у тебя не было не только матери, но и отца. — Торос встал, протер руки ветошью и протянул свою мозоли-

стую ладонь сыну, чтобы тот вложил в нее украденный нож.

Андро повиновался и вернул нож. Но слезы не переставая лились из его глаз.

— Как умерла моя мама, отец? — выдавил из себя точивший его не первый год вопрос дрожащим голосом Андраник, — Что с ней сделали турки? Они убили ее?

Отец отвернулся. Ком застрял в его горле, и он снова ничего не ответил. Но не ответил не так, как Назели. Она и сама ничего не знала. Он не ответил, потому что хранил какую-то тайну, раскрытие которой могло навредить его детям больше, чем разбитые кувшины или расколотый гончарный круг.

И все же Торос, положив нож под бурдюк, на старое место, и увидев, что его младший ребенок Андраник попятился к выходу из мастерской, тихо прошептал ему в след:

— Мы зимми*, мы не можем свидетельствовать против них в суде. Ни один кадий не принимают наши показания... Таков их закон. Мы чужаки на своей земле. Я не смог уберечь мою ласточку, твою маму. Прости меня, сынок.

***Зимми**— собирательное название немусульманских подданных в Османской империи, которые, проживая на её территории, получали защиту государства в обмен на лояльность и уплату специального налога. К зимми относились в основном христиане и иудеи, позднее к ним были причислены и последователи других религий, в том числе зороастрийцы.

Теперь плакал умелец Торос. А маленький Андраник гладил отца по спине, словно взрослым здесь был этот отчаянный сорванец, а не поседевший раньше времени мастер Карахисара...

Глава 2. Турок

Мюдир-глава провинции Сивас отправил амбициозного капитана-юзбаши* по имени Мехмет-Бей в Карахисар в сопровождении взвода подчиненных ему жандармов-заптийев*.

*юзбаши — сотник в Османской армии, звание соответствует капитану.

*заптий — полицейский жандарм в Османской Империи.

Юзбаши здесь уже был, и прошлый его визит ничего хорошего жителям не принес. Не сулил он ничего хорошего и теперь...

Его узнавали на улицах. Не имея точного представления о перипетиях его биографии, сплетники поговаривали, что бей вернулся на прежнюю должность вследствие наказания за излишнее усердие.

А ведь пять лет назад юзбаши Мехмета отправили в престижный приморский вилайет сразу в качестве мюдира! Тут без «бакшиша»-взятки уж точно не обошлось, а нагребил он в армянских деревнях немало — было чем подмаслить даже мутесарифа, управляющего санджаком. Тот, кто собирает подати, и есть истинный богач! Вряд ли до султана дойдет даже половина этих вечных сборов «джизы»* и «хараджи»*...

***джизья**— уплата подушного налога с иноверцев, считалась выкупом за защиту. Этот налог взимался только с совершеннолетних, свободных мужчин, способных к военной службе; больные, дети, женщины и старики от него освобождались.

***хараджа**— оплата поземельного налога.

Мехмет-бею прочили хорошую карьеру в греческом Понте. Но упиваясь властью новоиспеченный мюдир переборщил в своем подбострастии к султану и собственными руками утопил, правда, по слухам, нескольких греческих бунтовщиков прямо в море на побережье Трапезунда. За это, опять же по слухам, вали* понизил Мехмет-бея в должности до прежнего звания.

Губернатор провинции хоть и не заигрывал с христианским населением, но все же опасался усиления беспорядков. Да так их боялся, что демонстративно отправил Мехмет-бея обратно в Сивас и снова в жандармерию. Ну какой из этого палача и садиста управленец!?

«Этот мясник годится в устрашении армян и греков. Но лучше пусть применяет свои методы подальше от Трапезунда, — подумал вали, — Хюкюмет* и без него обойдется».

***хюкюмет** — администрация.

***вали** — наместник, губернатор провинции-вилайета в

Османской империи.

После на шумевшего инцидента вали мог отослать зарвавшегося мюдир и в действующую армию. Коль он такой прыткий, там бы пусть и проявлял свою преданную доблесть и героизм, к примеру, в преследовании гайдуков-горцев, этих бородатых федаинов, которые мнят себя освободителями своего народа от османского ига. Здесь и без него проблем выше головы! Пусть скажет спасибо, что отделался таким легким наказанием за греческую утопленницу.

Мехмет-бей, конечно же, расстроился, но виноватым считал не себя, а внутренних врагов империи.

Их неблагодарность была по сути такой же точно неблагодарностью, которую проявили высокие начальники к его беспрецедентным стараниям по выявлению изменников Родины, этих червей на теле Империи. Но начальство в силу своего верноподданства и почитания наказанный мюдр в крушении своего так отчетливо брезжившего возвышения в административной иерархии не винил абсолютно. К тому же, Мехмет-бей надеялся, что все в скором времени вернется на круги своя, его простят и когда-нибудь наградят по заслугам, ведь даже отправляя в ссылку провожали его как героя. А некоторые из сослуживцев и коллег даже утирали слезу, прощаясь с верным слугой султана.

Юзбаши быстро приобрел репутацию цепного пса. Он свирепствовал во всех армянских вилайетах и часто сам напрашивался на усиление действовавших против бунтовщи-

ков башибузуков*.

*башибузуки — иррегулярные формирования Османской армии, воины-наемники, печально известные своими грабежами и жестокостью. «Башибозук» в дословном переводе с турецкого означает «с неисправной головой», «безбашенный» (baş «голова» + bozuk «испорченный; бешеный»). Сопоставимо с выражением «сорвиголова», а в переносном значении синоним слова «головорез».

Прослав безжалостным убийцей, опирающимся на иррегулярное ополчение, он корчил из себя интеллектуала. И часто подолгу беседовал с подданными, которых пытался учить смирению как единственному способу выживания.

...Заптии рассредоточились по Карахисару, присматривая постоянные дворы для расквартирования.

Юзбаши мог здесь задержаться на целую неделю — не спать же у подножия горы или в сельджукской Черной крепости. Чтобы подняться до нее, нужно преодолеть целых семьсот ступеней.

Да и нет там провианта, все припасы хитрые армяне прячут в домах. И, конечно, в своих церквях, которые похожи на крепости с маленькими окошками, словно бойницами, и колокольнями, напоминающими смотровые башни...

Калитки местные в тревоге машинально и резко заперли, что ни в коей мере не спасло бы их от непрошенных гостей.

Заскрипели тяжелые засовы. Шуршание в амбарах позво-

ляло предположить, что люди пытаются спрятать мешки с пшеницей, сахаром, кофе и крупой-булгуром подальше от недобрых прожорливых глаз.

Да хоть в землю закапывай на время! А то эти ищейки, именующие себя правоверными и прикрывающими грабеж в личных целях интересами султана, заберут все, вплоть до семян и сушеных абрикосов, меда и вина. Выгребут все подчистую! Не побрезгуют сыром и лепешками прямо из тандыра! Лишат ребенка сладостей!

Возглавляет грабителей тот самый юзбаши, ненасытный и проницательный как сатана!

После убийства в прошлый раз этого сыщика со сверлящим взглядом, от которого ничего нельзя было утаить, резко поредели стада овец, а курды-кочевники, ранее редко забредавшие на армянские пастбища, стали делать это с систематической периодичностью.

Курдские наследственные вожди и сардары, включая Бшаре Халила, так бы не обнаглели, если бы пришлый юзбаши не шепнул им на ухо: «Никто не вступится за проклятых армян... Слабого султана Мурада Пятого больше нет, он объявлен сумасшедшим и упрятан в заточение в Чыраган*. Новый султан Абдул-Хамид Второй не то, что свихнувшийся брат, а истинный халиф, который не даст спуска неверным! Особенно восставшим болгарам и сербам, и этим гяурам — армянам и грекам — предателям, которые возлагают свои надежды на англичан и особенно на русского царя!»

*Чыраган — исторический дворцовый комплекс на европейском берегу пролива Босфор в Константинополе (ныне Стамбуле). Сегодня известен как пятизвёздочный отель сети Kempinski.

Словно и впрямь этот главный жандарм знал что-то такое, о чем не догадывались простые смертные, словно был наделен высокими полномочиями казнить или миловать.

Неужто и теперь мутесариф санджака дал свое высочайшее дозволение на новый грабеж армян и греков? Не воплотить ли это губительное для целого народа решение новоиспеченного султана в жизнь приехал сей щеголеватый франт с черными усами, в феске цвета хаки и в начищенных до блеска хромовых сапогах?

Юзбаши снова и вновь без стука вошел в жилище Тороса, и сразу проследовав в мастерскую отца одиннадцатилетнего Андраника и тринадцатилетней Назели.

Его телохранители, рослые жандармы-заптии в темно-зеленых мундирах остались у забора за калиткой, достав трубки-люли с костяными чубуками и устроив себе перекур перед тем как зайти в жилище. Сам же юзбаши уверенно сказал, что у этом доме ему ничего не грозит, ибо в нем проживает трус...

Андраник заметил непрошенного гостя раньше, чем был обнаружен.

Снова этот противный турок! Отец пресмыкается перед

ним и боится его! Надменный капитан из Сиваса в выглаженном кителе стрелял по сторонам своими маленькими раскосыми глазками. Словно обладал звериным нюхом и чуял свою жертву.

Втянутыми щеками юзбаши напоминал шакала, чужавшего падаль. Именно это сравнение пришло в голову мальчику и он подумал, что никакая его отец не безропотная добыча...

Больше всего на свете Андраник хотел огреть злого турка, которого ненавидел весь Карахисар, оглоблей, которая стояла у входа!

Вместо этого Андраник шмыгнул в хлев — универсальную мастерскую гончара и слесаря — и спрятался за арбой, которую отец из-за трудного заказа «шакала из Сиваса» так и не нашел времени починить. Под днищем повозки стояли корзины. Из них Андро соорудил изгородь и, замерев, глядел теперь меж щелей переплетенной лозы на едва освещенное керосиновой лампой помещение мастерской.

Торос не успел даже обернуться, хоть и услышал какие-то скрипы и шорохи. А следом вошел тот самый человек с тараканьими усами, маленькими глазками, ястребиным носом и черными как смоль кудрями, свисающими из-под военной фески.

— Ты успел сделать то, что требовалось — пятьдесят кувшинов для наших новых подданных, верных султану черкесов, прибывших из страны «гяуров»? Наш дальновидный новый халиф Абдул-Хамид Второй, занявший по воле мило-

стивого Аллаха османский трон, проявил милосердие и приютил обездоленных мусульман... Их гонят отовсюду, и русский царь, тот на кого вы, армяне, бессмысленно надеетесь, поощряет сербов и болгар, чтобы они тоже неподобающе поступали с переселенцами! — начал он свою политическую тираду без приветствия хозяина дома.

— Добрый день, эфенди*. — приподнялся с рабочего места Торос и грустно вымолвил, — Я трудился день и ночь всю неделю. Мне не хватило времени, эфенди. Там, в углу, сорок четыре кувшина и горшка. Не хватает шести... Я обещаю вам, что доделаю их в течении трех дней. Или, быть может, если вы соизволите взять вместо них шесть корзин, сплетенных моей дочерью-мастерицей Назели... Я бы смог тогда компенсировать недостачу...

* эфенди — уважительное обращение. Слово происходит от новогреческого **αφέντης** («правитель», «начальник»), в свою очередь, восходит к греческому слову со значением «человек, который может в суде защищать себя сам».

— Гончар, — строго посмотрел на Тороса турок, — Ты в силу своей природной армянской глупости и безответственности, кажется, не понимаешь всю серьезность сложившегося положения! Османская империя испытывает трудности в связи с восстаниями на окраинах империи, и при этом мы даем кров благородным беженцам из районов, охваченных бунтом, мусульманам, столкнувшимся прежде с гонени-

ями русского царя, а теперь и с изгнанием из выделенных им султаном земель в Румелии! Эти достойные мухаджиры из шапсугов и других черкесских племен расселятся теперь под дланью великого и милостивого халифа вдоль границ на бывших землях ненадежных армян и кичливых греков! В будущем они в отличие от вас, неверных, будут верой и правдой служить нашему великому султану Абдул-Хамиду, достопочтенная мать которого сама из черкесок. Они станут оплотом империи правоверных! А ты, значит, отказываешься принять участие в святом деле, которое является гражданским долгом любого верноподданного!?

— Я не отказываюсь, эфенди, но руки уже не так тверды и глаза не так зорки. Я занимался только вашим поручением, поверьте мне, паша.

Юзбаши был польщен обращением к нему «паша» и даже довольно потерпел от удовольствия собственный ус. Эти хитрецы умеют льстить. Лесть — признак страха, они должны бояться таких как он. Иначе они выйдут из-под контроля.

«Только страх может удержать в узде этот строптивый народ, склонный к мятежу!» — продолжал размышлять про себя самодовольный турок, прохаживаясь по мастерской Тороса и оценивая скарб на предмет изъятия.

Вдруг он вспомнил наложившую на себя руки жену этого гяура. Отчетливо вспомнил, словно ее приведение только что промелькнуло мимо и нырнуло за арбу. Даже звук, напоминающий треск или разрыв платья, он будто бы слышал из

угла. Тот самый звук! Но нет, это наваждение. Здесь никого нет, кроме него и старика. И уж точно нет его строптивой второй половинки! Ее ведь уже нет на белом свете.

Мысли одна за другой бомбардировали его изворотливый мозг. Женщины этих христиан, пожалуй, неблагодарнее их мужчин!

Они горделивы и отвергают чужие порядки, где их могут любить одинаково сильно даже в гареме. Их никогда не удовлетворит статус любимой жены. Они хотят быть единственными и могут трапезничать за одним столом с мужчинами, хозяйничая в селамлике-мужской части дома с непокрытыми головами и невольно или сознательно соблазняя пришельцев!

Это случилось много лет назад, еще до его убийства в греческий Понт...

Жена Тороса-слесаря и гончара была из свирепых фурий. Такая же непокорная, как и греческая бестия. Она хотела обвинить в изнасиловании его, человека с безупречной репутацией, истинного патриота!

Он всегда страдал из-за этих упрямых христианок! А ведь он выполнял свой долг, не считаясь с угрозами собственной карьере.

Вдруг, глядя на гончара, он отчетливо вспомнил другую свою жертву, и теперь ему показалось, что у жены армянина и той гречанки было одно лицо, хотя особо их лица он не разглядывал.

Мехмет-бей на мгновение забылся. Вот он держит за волосы греческую бунтовщицу, точно, они были на одно лицо, армянка и гречанка...

Он мог получить должность высокопоставленного чиновника, возможно даже каймакама, если бы не та проклятая стерва! Излишнее рвение во время подавления бунта греков на побережье сослужило плохую службу. Он немного не рассчитал, и жена греческого каноника, была утоплена на глазах арестованного.

Это был всего лишь допрос с пристрастием. Каноник должен был заговорить быстрее, намного быстрее! Пока его жена еще могла отдышаться. Так что сам виновен в ее смерти! Сам виноват! Сам!

Но как же приятно было садисту смотреть на это обезображенное страхом за свою жену лицо священника, которому не помог его слабый Бог...

И какое же наслаждение испытал мюдир, когда держал за шею чертыхающееся тело своей жертвы. Быть может он и хотел убить гречанку на глазах мужа. Собственноручно казнить. Иначе, он дернул бы ее за волосы и достал из воды захлебывающуюся предательницу до того, как на поверхности пропали пузыри.

Каноник тогда не выдал сообщников, потому что умер от разрыва сердца. Эти христиане слабы как и их Бог. Их погубит их же сострадание к ближнему.

Воин должен быть выше эмоций! Откуда знать об этом

безвольным армянам и грекам!? Их удел подчиняться! Их слава канула в лето, растворилась в пучине истории, когда пришел тюрк-завоеватель.

Память о величии лучше всего стирается тогда, когда не остается поэтов и летописцев, воспевающих славу предков.

Турки — новая раса, каста победителей, смирившая народы, доселе имперские и горделивые. Нет возврата к прошлому! Ибо будущее — это конь, которого оседлал осман!

— Ты не женился, гончар! — вдруг спросил турок, — Помню тебя без седин. Как-то быстро ты постарел... Всему виной жена? Следить нужно было лучше за ней, поди не гарем! У вас ведь, у христиан, всего по одной жене!

— По одной. — глаза Тороса наполнились влагой.

— Я знаю о твоей печали, гончар, — как-то отстраненно вещал турок, словно раздавал советы и нравоучения, которых никто от него не просил, — Никто ее не насиловал, а праздничное энтари* из шелка она сама на себе разорвала! Никаких свидетелей насилия не было, ведь так? И ты ничего не видел, тебя ведь не было дома, ты пришел, когда трагедия уже произошла! _____

*энтари — традиционная армянская одежда, халат с цветным поясом и шаровары.

— Я вернулся, когда было поздно. Она захлебнулась кровью у меня на руках. — рыдая, подтвердил Торос.

— Захлебнулась... — повторил слово собеседника садист, словно смакуя значение это жуткого глагола и вспоми-

ная нечто приятное из собственного прошлого, — Да и кто послушает армянского гяура в хюкюмете? К тому же тебя самого могли обвинить в убийстве жены — ты весь был в ее крови и держал оружие убийства. А она не вымолвила ни слова. И только смотрела на ускользящий мир выпученными остекленевшими глазами! Но ты ведь не китаец-стекольщик, а армянский гончар. Твое дело — платить удвоенный налог, не так ли!? Скажи спасибо, что я готов в этот раз взять твой налог не пиастрами, лирами и курушами, а обработанной тобой глиной, которая ничего не стоит! Не стоит благодарности, хотя разве от вас ее дождешься?! Не слышу?

— Спасибо. — тихо молвил гончар.

— Громче! — потребовал турок. — Скажи спасибо, что отменен «девширме*» — налог кровью, и что твоего мальчика не обратили в ислам принудительно и не воспитали из него «капыкулу» — верного слугу Порты и султана. Кажется, у тебя есть сын!? Если бы тебя упрятали за решетку за убийство на почве ревности, то твой сын остался бы сиротой. Его бы определили в турецкую или курдскую семью, ты же понимаешь, что никогда не увидел бы сына. У тебя один сын?

*девширме — система набора мальчиков из христианских семей в Османской империи, которых отуречивали, воспитывали в исламе и принимали в состав янычар, элитной пехоты, которая служила пожизненно.

— Один сын и одна дочка. — покорно кивнул Торос, подтверждая данные юзбаши, его сердце застучало с тревогой.

— Ты рассказал своим детям, как умерла твоя жена? Рассказал им про нож, которым она перерезала свое горло? Она ведь была не в своем уме, не так ли? — Мехмет-бей снял с головы запотевшую изнутри феску и протер свою лысину шелковым платком, эскпроприированным на соседней улице.

Он важно расхаживал взад-вперед, произнося заученную версию псевдо-правды:

— Она ведь тогда словно взбрендила! Твоя жена не весть что взяла себе в голову! Решила, что я или кто-то из заптиев, что скрутили ей руки лишь для того, чтобы она себе не навредила, собрался в отсутствие мужа лишить ее чести. Зачем было вырываться и хватать нож!? Глупо и рискованно! Ее могли пристрелить за нападение на стражей порядка! Ведь ты же понимаешь, что ничего подобного никто из нас не хотел? Не планировал. Что зря она схватила нож и опрометчиво лишила себя жизни, вместо того, чтобы до сих пор наслаждаться прекрасным миром в самой веротерпимой империи...

Турок подошел вплотную и уставился на гончара, словно провоцируя возражение. Но Торос молчал, искоса поглядывая на бурдюк, под которым лежал тот самый нож.

— Ты должен быть благодарен... — не отставал турок, лениво преодолевая сладкое чувство отсутствия всяческого

сопротивления, которое ему хотелось продлить словно наслаждение, сопоставимое со сладострастной близостью. Безнаказанность вызывает в звере желание глумления над беззащитным, — Ведь это я справил тебе в канцелярии хюкюмета нужный документ, подтвержденный заключением хэкима-доктора, что твоя сумасшедшая жена оставила наш бренный мир из-за продолжительной болезни желудка. Справка позволила тебе похоронить ее на общем погосте и поставить на ее могиле хачкар с резным узором. Ты же понимаешь, что это бескорыстное благодеяние соотечественника по империи, хотя от кого я жду благодарности... От армянина! Представителя народа, коему не присуще это человеческое качество, выделяющее человека разумного от ящерицы, которая меняет шкуру, как изменник меняет сюзерена.

Турок отвернулся от Тороса и ухмыльнулся, оценив собственный юмор и проникнутый чувством воинственной силы, смилившей работягу-ремесленника, готового только кивать и поддакивать и не способного дать отпор.

И тут вошла Наземи. В руках она держала латунный поднос со стеклянными армудами, наполненными янтарного цвета горячим чаем.

— Отец, я принесла чай тебе и вам, эфенди.

Юзбаши удивился при виде развитой не по годам прелестницы с узкой талией и сформировавшейся женской грудью, которую не мог скрыть короткий жилет из овечьей шерсти.

Назели хотела спасти отца от назойливого турка! Поэтому

она и сообразила с чаем...

Почувяв неладное и уловив похотливый взгляд юзбаши, Торос попытался его отвлечь, про себя сокрушаясь и виня неосторожную дочь в ее неуместном желании угодить незнакомцу.

— Вон, видите, эфенди, арба с перекошенным колесом, я даже не успел ее починить, чтобы хоть что-то заработать на пропитание моих детей... Лепил кувшины. А дочь плела свои корзины.

— Ты что, пытаешься меня разжалобить? — немного смягчив тон, но так же требовательно произнес турок. Он отхлебнул из грушевидной армуды глоток чая, едва не закашлявшись, когда исподлобья разглядывал новую жертву. — Но я готов рассмотреть вопрос замены кувшинов на корзины, если, гнусный старик, они так же хороши, как твоя юная дочь! Если она и впрямь умелица, как ты ее нахваливал... Как тебя зовут, прекрасное дитя?

— Меня зовут Назели. — представилась сестра Андраника, не подозревая, какие мысли обуревают турком и делая вид, что пропустила мимо ушей, что ее родного отца обозвали «гнусным стариком».

— Покажешь свою работу? — губы юзбаши растянулись в нить, выдав вместо улыбки подобие оскала.

— Так вон, у арбы пара корзин из лозы. Я сама их сплела, меня мама научила... — сестра указала прямо в ту точку, где за корзинами под арбой укрывался Андраник.

— Мама, говоришь, научила? — переспросил турок, не ожидая ответа, и приказал, — Принеси их.

Назели положила поднос с одной оставшейся армудой на обшарпанную скамью перед отцом и пошла к арбе. Турок, не глядя словно слуге всучил недопитую армуду Торосу, наблюдая за ее походкой и любуясь аппетитными формами «нимфетки». Затем он повернулся к Торосу лицом, и белки его глаз вновь наполнились кровью.

— Вы и так живете в долг, ты же не хочешь его умножить!? — тихо прорычал юзбаши. — Вас терпят за вашу работу на благо империи, хотя я знаю, что трудитесь вы без особого желания. Наш вали слишком добр к армянам! Новый султан придерживается более строгой политики по отношению к потенциальным предателям! Вали не практикует суровых наказаний за неповиновение, но скоро будет назначен новый бейлербей провинции! А он мой покровитель и обещал мне содействие в продвижении. Кто знает, может я стану начальником полиции Сиваса! А там и Константинополь не за горами! Мы живем в преддверии войны, большой войны с русскими! А мне доверено снабжение мухаджиров — это государственная задача! И ее доверили мне! Почему, как ты думаешь?! Почему столь ответственное поручение возложили именно на меня? То-то!!! Тут и думать нечего! Мне доверяют! И за меня поручатся важные люди! И не только турки, но и племенные вожди курдов. От их лояльности многое сейчас зависит! Кругом столько врагов!

К этому моменту Назели уже обнаружила Андраника и вместо того, чтобы вытащить корзины из-под арбы, она выстроила их ровнее, плотнее, непреодолимым частokoлом, так, чтобы скрыть все торчащие щели и особенно больше-размерный елак брата.

Спешно вернувшись к юзбаши, она застала турка отчитывающим отца с какой-то непонятной для нее целью.

— Ты же не саботажник!, а добропорядочный гражданин империи. Знаешь, как мы поступаем с саботажниками? Конфискация! Пара твоих соседей уже испытала на себе неотвратимость наказания за укрывательство провианта для ополчения. Ты же не хочешь, чтобы обыск проводили башибузуки?! Или ты — из тайных мстителей, которые плетут свои заговоры против султана?

— Ну какой же мой отец мститель? Разве он похож на бунтовщика? — стараясь обхитрить своей лаской офицера жандармов обволакивающим и убаюкивающим тоном вымолвила подошедшая Назели. Она не по рангу вклинилась в диалог мужчин, больше похожий на обвинительный приговор перед экзекуцией. Но эта дерзость понравилась юзбаши и завела его еще больше...

— Тут, как выяснилось, не мои, а старые дырявые корзины. Мои в селамлике* на стене висят. Пойдемте, эфенди, я покажу вам свою работу.

*селамлик — мужская часть дома.

— Хорошо, красавица, — согласился юзбаши, предвкусывая, что останется с прелестницей наедине и уговорит ее «спасти» отца добровольно.

Он шел за ней, причитая:

— Каждый армянин норовит обмануть и предать. Я в участке и не таких раскалывал. Ты думаешь, почему именно мне поручена столь ответственная задача снабжения иррегулярных формирований? Потому что никто не хочет замарать руки. Все чистенькими хотят остаться. А в таких делах разве возможно сострадание? Я уже раз поплатился за верность долгу. Надеюсь, ты любишь своего отца?

Как любовь к отцу была связана с долгом эфенди, Назели не имела представления, но ответила:

— Конечно люблю.

Эфенди прищурился и подмигнул.

— Кто-то из армян не хотел исполнять свой гражданский долг добровольно и безвозмездно, и где сейчас эти непослушные армяне. Ты наверное, не в курсе, а в Трапезунде двух владельцев лавок, которые наживались на османской армии, завышая цену на провиант, за неповиновение и саботаж повесили! А кое-кого и утопили...

Отец Назели пришел в себя не сразу. Страх сковал его волю. Но спустя пару минут он собрался с духом и разжал руку с армудой, расплескав недопитый турком чай.

Отец не мог допустить, чтобы дочь осталась наедине с турком, виновным в гибели его жены, ее матери. Только не это!

Он взял в одну руку кувшин, в другую одну из корзин, что была под арбой, затем отбросил корзину, оттолкнул бурдюк и схватил нож.

— Паша, я ведь не завышаю цену! — кричал он, пытаясь догнать юзбаши., но тот уже отошел на приличное расстояние и не слышал возгласов гончара. — Я отдаю вам свои кувшины бесплатно, пощадите дочь! Смотрите, какой качественный кувшин, он понравится мухаджирам*...

* мухаджир — переселенец-мусульманин.

— Будешь покорна, и, быть может, я закрою глаза на невыполнение твоим отцом гражданского долга и его связь с заговорщиками. Я оставлю вам все ваши кувшины и корзины. Возьму только одну, на память о тебе, когда сложу туда персики с какого-нибудь конфискованного сада.

Юзбаши дотронулся до осиной талии Назели, но вдруг получил сокрушительный удар по голове. Той самой оглоблей, что предстала перед взором Андраника и которую по назначению использовал вовсе не он, а Ваган-хулиган.

Юркий подросток перепрыгнул через ограду задолго до того, как заптии докурили свой табак и спрятали чубуки.

Увидев дядю Тороса, Ваган разглядел и нож в его руках. Тот самый, коим его малолетний Андраник давеча угрожал его ватаге. Ваган не долго думая выхватил оружие у отца Андраника с намерением перерезать турку горло. Но тут во двор вбежали заптии, и он ринулся на них...

Глава 3. Похороны

Как не пытался юзбаши Мехмет-бей оправдываться перед мюдиром и каймакамом*, но чрезмерное применение силы при сборе подушных податей, которое ему вновь вменили в вину, соответствовало его мрачной репутации.

*каймакам — глава уезда (кадылыка) в Османской империи, должность соответствовала званию подполковника в армии

За убийство подростка подчиненными, которые фактически спасли героически потерявшего сознание после удара оглоблей командира, Мехмет-бея не наказали, но и не поощрили, хотя он после подробного рапорта о случившемся рассчитывал на султанский орден.

Заптии свидетельствовали, что армянский мятежник, известный своими противоправными деяниями и не смотря на возраст сколотивший целую банду уличных хулиганов, набросился на них с ножом. Однако, и их, рядовых заптиев, тоже не повысили в званиях, хотя бы до десятников-онбаши. Правда, разрешили увольнительную и премировали серебряной монетой. Да и только!

Все дело в волнениях после этого инцидента, а они в Каракхисаре случились нешуточные и перекинулись на Сасун. О них стало известно и в Ване, а так же в других армянских

вилайетах. Могли вспыхнуть беспорядки в Битлисе и Эрзуруме.

Не хватало еще новых восстаний, ведь в Болгарии мятеж подавили с таким трудом! Но беженцы-черкесы твердили на рынках и площадях, что болгары не щадили никого и отрезали в ответ на злодеяния башибузуков головы правоверным. Они жгли свои дома только бы они не достались новопоселенцам. Их женщины мололи острый перец, чтобы бросать в глаза и слепить турецких солдат.

Не имея современных винтовок, они бросались на регулярные части с вилами и серпами. А погибая звали к помощи русского царя!

Нет, биться со всеми подряд внешними врагами новый султан пока не готов! Сперва нужно покарать тех, кто может навредить изнутри! Армян и греков.

Но их нужно разбить по очереди, пока они не смогли организовать. Их нужно брать тепленькими, в постелях, пока они беспечно сопят во сне, и резать тихо, ведь во сне они вдвойне беззащитны, чем в момент пробуждения. Этот юзбаши слишком нетерпелив!

Дурная слава Мехмет-бея не способствовала быстрому заведению инцидента. Все знали, что юзбаши мог взять на себя грех и отрубить голову врагу, даже если тот являлся ребенком или женщиной, вроде и не помышлявших об измене, но разоблаченных опытным жандармом! Но эти его способности оказались пока неоцененными.

Да уж, не вовремя! Случай действительно мог спровоцировать массовый бунт. Тем более, что армянский анклав распространял домыслы о неправдоподобной попытке изнасилования. Армяне — такие сказочники! Они умеют преподнести все в выгодном для них свете! Сделают все, чтобы обелить преступника. Они способны изнасиловать сами себя! Даже убить себя, чтобы обвинить в убийстве турка или вора из курдского клана!

Посему юзбаши спрятали от глаз населения, которое в этих краях было преобладающим, и отправили в Константинополь... С повышением.

Так обычно поступали с верными сынами Отчизны, проявившими усердие при отражении мнимых и реальных угроз. Тем более с теми, у того появились неожиданные покровители в обретающей вес организации — тайном союзе турецких офицеров, давно считавшей султанские законы устаревшими, вынашивавшей планы разобраться с армянами теми методами, которые и проповедовал неоцененный по достоинству исполнитель усмирения христиан.

... Мать убитого выстрелом заптия подростка стояла у могилы своего сына с непокрытой головой. Она воспитывала своего мальчика без мужа.

Ее ушедший в лучший мир супруг тоже был дерзок и горяч. Он погиб от рук турков-заптийев после того как поднял на них вилы во время сбора налогов — заптии не захотели войти в положение его семьи, ограбленной курдскими раз-

бойниками и не имеющей за душой ни куруша.

Ваган повторил судьбу отца, как не берегла его одинокая женщина, стараясь оградить от жестокого и бесправного для армян мира.

Она предчувствовала, что печальная судьба не может обойти стороной ее отпрыска, иначе она укутала бы его в пеленки крепко накрепко и не позволила бы вырасти до славного помощника, который слушался мать, не смотря на то, что она вечно находилась то в поле, то в хлеву, то в хозяйских садах, наполняя ведра персиками или алычой.

Назели стояла к матери Вагана ближе всех и гладила ее по дрожащей руке, стараясь хоть как-то облегчить страдания еще молодой, но в миг осунувшейся и сгорбившейся армянке с огромными глазами и иссохшей от зноя на бесконечных уборках чужих урожаев кожей.

Гроб для Вагана безвозмездно смастерил Торос, на все руки мастер. Он знал не только слесарное дело, но и плотницкое.

Люди не расходились, не взирая на закат и ветер, огибающий скалу с крепостной стеной, за которой никогда не укрыться армянину.

Покойника отпевал местный священник, который не брал mzды у лишенцев и вдов.

Кто-то шепнул матери, чтобы она не беспокоилась насчет места на кладбище, кто-то уже собрал у общины деньги и даже оплатил хачкар — резной крест с орнаментом, а что-

бы вдова не заботилась ни о чем, хлопоты погребения и поминаения взяла на себя семья Озаянгов. Слесарь и гончар Торос не числился в богатеях, но после поспешного бегства турок он продал свои горшки и пообещал организовать поминки мальчика в соответствии с обрядом «карасунк» как полагается у христиан, ровно через сорок дней.

Все эти дни до поминок Торос не брил бороду, а сестра Андро Назели жила у безутешной вдовы и горестной матери, которой помогала по дому и с работой, а затем и вовсе попросила отца, чтобы тот разрешил ей переехать к тете Астхик навсегда. Отец не возражал. Если б мать Вагана не обрела после смерти сына дочь, то вряд ли бы пережила горе.

Прощаясь с отцом, она обещала навещать его как можно чаще, а обнимая братика заплакала и всучила ему свое единственное украшение — монисто* — сопроводив свой дар словами:

— Забирай, мне оно больше не пригодится. Я не хочу никого соблазнять. Это ожерелье мамы. Подари ее той, кто покормит твое сердце.

Волнения в Карахисаре вспыхнули ненадолго и быстро успокоились. Никто не считал усопших христиан, учет властями велся только в среде живых, способных уплатить подать.

*монисто — ожерелье из монет.

Глава 4. Заоблачный Царьград

Пастбища армян тревожили курдские разбойники и нена сытные башибузуки — их отправили на войну далеко не всех.

Почти на год из-за неразрешимых проблем султана на Балканах армяне выпали из поля зрения Константинополя. Было особо не до них.

Главными врагами империи стали болгары, сербы и черноморцы.

Имущество приходилось защищать только от бандитов в клетчатых тюрбанах и чалмах, а не от чиновников и заптиев в фесках, что несколько облегчало бремя наполненной тяготами и внезапными опасностями жизни.

В 1877 году началась русско-турецкая война.

Русский царь Александр Второй отправил 185-тысячную армию во главе с великим князем Николаем Николаевичем для освобождения единоверцев. Армия навела понтонные мосты и переправилась через Дунай.

Русских встречали как освободителей от турецкого ига.

Армяне, если не учитывать привилегированную касту из нескольких высших правительственных сановников, промышленников и международных негодантов, которые со своими деньгами представляли себя способными купить лю-

бую родину и не идентифицировали себя с чернью, надеялись, что дождутся и своей очереди на освобождение. Чем они хуже болгар!

Они опрометчиво полагали, что русский царь Александр всемогущ и справится с турками одной левой дланью. Однако, русские столкнулись с активным сопротивлением и талантливым военачальником Османом Нури-пашой, коему султан Абдул-Хамид Второй присвоил звание мушира-маршала.

Осман-паша превратил Плевну в неприступную фортецию благодаря обычной лопате.

Он не стал использовать для обороны городские застройки, ведь при превосходящем количестве артиллерии врага это гарантировало потери от осколков не только шрапнельных и картечных гранат, но и от самих стен.

Турецкий полководец приказал войскам зарыться в землю. Он выкопал рвы перед насыпями, построил неприступные редуты, а своим аскерам велел во время арт-обстрелов прятаться в блиндажах, накрытых бревнами и засыпанных метровым слоем грунта.

Шрапнель русских гранат врезалась в бруствер, не причиняя туркам непоправимого вреда. А когда русские полки поднимались в атаку сомкнутыми цепями согласно суворовскому принципу «Пуля — дура, а штык — молодец», пристегивая к своим «берданкам» четырехгранные штыки, то турки, не выползая из траншей осыпали русских шквальным

огнем из своих скорострельных винтовок «Мартини-Генри» и «Пибоди» с эффективной прицельной стрельбой в 400 ярдов или 366 метров.

Винтовками Порту снабдила Британия, и они считались новейшими для своего времени. Турки расстреливали русских в упор, сдерживая штурмы целых пять месяцев, пока царь по советам своих генералов не изменил тактику.

Однако, и штурмы в рассыпном строю привели лишь к взятию одного из редутов. Но прославленный генерал Скобелев, который непременно скакал в белом мундире, чтобы воины воочию убеждались, что командир не отсиживается в штабе в силу малодушия и пренебрежения к русскому солдату, что ценит их жизнь как свою собственную и считает за честь пасть в бою вместе с ними. Пали две лошади под генералом, но развить успех Скобелев не смог. А его мундир от брызг солдатской крови и грязи превратился в бурое пятно на поле боя.

И тогда царь вызвал из Петербурга инженера Тотлебена. А заодно и хирурга Пирогова. Вокруг неприступных редутов турок воздвигли по периметру свои брустверы, устроили лазареты, а чтобы у турков закончился провиант — перерезали дорогу на Софию.

После того, как турки съели все запасы зерна, всех лошадей и бродячих собак. Они отважились на прорыв, который захлебнулся теперь уже в турецкой крови. Получив ранение Осман-паша понял, что русские-таки выманили его из

укрепления и вот-вот уничтожат его армию, расстреляв ее с флангов, даже без их излюбленных штыковых атак, где русскому воину нет равных. И тогда полководец приказал поднять белый флаг.

Капитуляция Плевны не была унижительной. Осман-паша, виновнику столь огромной цены, которую русские заплатили за победу, отдал чести, царь лично встретился с побежденным и вернул ему его саблю-подарок султана.

Сорок три тысячи изможденных турецких воинов, похожих теперь не на подтянутых аскеров, а на бездомных нищих оборванцев в лохмотьях, отправились по бесславному этапу мимо ранее покоренных христианских селений.

Чего скрывать — было злорадство местного населения, турки ловили на себе косые взгляды и плевки, но благородство русских конвойных, действовавших к тому же в соответствии с высочайшей волей своего помазанного Богом на Царствие государя, не позволяло устраивать самосуд за тысячи загубленных христианских жизней, изнасилованных дев и умерших от голодной смерти сирот.

Болгары не могли взять в толк, как после стольких потерь, бесчинств мародеров-башибузуков, снимавших сапоги с убитых и еще живых раненых, даже с пленных, находят в себе русские способность к пощаде... Как изнуренные в бесконечных штурмах, могут русские оставлять турок в живых, проявляя воистину нечеловеческое великодушие.

Но такова была воля тех, чьи многомесячные попытки

взятия Плевны увенчались успехом. Русский солдат покрыл себя славой, которую не должна была изгадить и омрачить заурядная месть. Болгары и сербы видели в нем своего спасителя, перст Божий, знамение и орудие Господа.

Русский воин, пришедший на помощь славянам-единоверцам, откликнувшийся на их зов... Он таков. Он шел дальше по перевалам к заветному Царьграду.

Он грелся на редких привалах у костров, чтобы растаяла плотная ледяная корка на шинели, образовавшаяся из за мокрого декабрьского снега, он травил байки, заправляя табачные трубки, и он понимал, что ему предстоит решающий бой в логове врага. Он прекрасно знал, что эта мясорубка будет почище взятия крепости Плевна, где дым от разрывов гранат и пороховая гарь, смешавшиеся с плотным туманом заволокли город, поля и холмы, превратив день в беспроглядный сумрак..

Русский солдат вставал, не успевая не то что выспаться, а передохнуть в разбитом наскоро биваке или на голой земле, высушиться и напиться, он шел в новый поход... Через снежные перевалы Балкан, где от мокрых дождей и града вес шинели становился равным массе тяжелых железных доспехов, где камнепады и обрывы серпантина уносили жизни не только вьючных лошадей, но и боевых товарищей.

Он тащил на себе пушечные лафеты. Он затыкал дырявые сапоги соломой и не обращал внимания на кровоточащие раны на пальцах и ступнях. Его фляга давно опустела, и

он был рад дождевой воде или лужице на каменистой горной тропе, не помутневшей как на ристалище от копоты и крови. Он утолял жажду и снова шел.

Он шел к славе, русский солдат. Он всегда поднимался, разворачивал стяг и шел к бессмертию...

Изнуренный, но не сломленный. Зараженный великой целью, он шел к победе над извечным врагом, злым кочевником, угнетающим христиан. И он был готов умереть за чужие народы, но умереть не за зря, а с великим смыслом — спасти обездоленных и угнетенных, а заодно сбить надменную спесь с неприятеля...

Турки проиграли, войска султана были разбиты. Русские дозоры уже видели в подзорные трубы и бинокли системы Галилея босфорские холмы. За ними плескалось Мраморное море с рассыпавшимися на побережье кииками*. Путь к Константинополю был открыт. Царьград мог стать русским.

*киик — легкое весельное судно с навесом

Но разве мировые державы — Англия, Австро-Венгрия и даже Пруссия, не смотря на симпатию Бисмарка к князю Горчакову, могли это допустить!

Болгария получила широкую автономию, сопоставимую с независимостью. Сербия стала суверенным государством. Но добить султана державы не дали, намекая царю, что могут вступить в войну на его стороне. Русские и на сей раз не воплотили в жизнь свою мечту — Константинополь остался

столицей осман.

Недоверие турок к армянам, грекам и ассирийцам после череды балканских восстаний, приведших к проигранной войне, увеличилось десятикратно. Султан вынашивал планы мести и собирался приструнить всех, кто сочувствовал в этой войне мятежникам и считал русских освободителями. Империя ослабла. После ультиматумов русских, с которыми терявшему авторитет в армии из-за вечных поражений султану приходилось считаться, после вынужденной потери Карса, Батума и Ардагана, отошедших России по условиям Сан-Стефанского договора 1878 года, забурлили армянские и греческие анклав. Армяне надеялись на Александра Второго, и уже строили свои тайные планы. Возможно, они конструировали детали восстания только в своих головах. Но 30-тысячная армия доносчиков тайной полиции осталась бы без работы, не доноси она на армян! Набивая себе цену и получая за свои шпионские доносы «меджедие»*, доносчики лжесвидетельствовали, нагнетали, клеветали на добропорядочных граждан, присваивая любому успешному в отличие от невезучего султана человеку с христианской кровью ярлык заговорщика. В империи после войны нужны были воины, готовые сражаться за султана-халифа правоверных во имя священного джихада — войны с гяурами. Но разве можно было ожидать преданности от армян — тех неохотно брали в армию, предпочитая, чтобы они откупались от службы налогом «бедель»*.

*меджедие — старинная серебряная монета, равнялась двадцати пиастрам

*диван — императорский совет. Султан принимал решение на совете, в который входил великий визирь, глава духовенства «шейх аль-ислам», верховный судья, высшие сановники и главы ведомств.

* бедель — с 1855 года в Османской империи был введён налог «бедель-и-аскери», который позволял представителям не титульных конфессий легально избежать военной службы. Но лояльным империи армянам в некоторые периоды истории позволялось служить как в боевых армейских частях, так и во вспомогательных подразделениях, например «иншаат-табури» — дорожно-строительных отрядах.

До султана доходили самые тревожные вести. Армянские вилайеты стоило приструнить раз и навсегда. Этот народ многочислен и все время смотрит в сторону России! На радость султану в 1881 году царя Александра Второго убили бомбисты-народовольцы. А значит главного врага осман покарал Аллах! Война с русскими за Кавказ, неминуемая и ужасная, была на какое-то время отсрочена. Можно было заняться армянами и приструнить заодно греков! Любое неповиновение нужно давить в зародыше. Так посчитал султан и его диван*. Особо неблагонадежными армяне были обречены, когда по милости Абдул-Хамида стали формироваться отряды «хамидие»*. Отряды из курдов, черкесов и карапа-

пахов* назвали в честь султана, одели в черкески и выдали оружие, прямо указав, чтобы они устроили армянам ад на земле.

* хамидие — иррегулярные вооруженные кавалерийские подразделения при султанах Абдул-Хамиде II, созданные в 1890 году для подавления армянских восстаний и охраны границ.

* карапахаи — черные папахы, субэтнос азербайджанцев, исповедующих суннизм. Занимаются земледелием и скотоводством.

Никто в Шапин-Карахисаре не строил иллюзий насчет защиты,

которую должно обеспечивать государство своим гражданам. Власти от напастей не спасут! Напротив, всем здесь было понятно и достоверно известно, что главные враги армян находятся в Босфорских дворцах Константинополя, а не в шатрах из шерсти, камышовых хижинах или глинобитных домах кочевых курдских племен. Курдским вождям здесь могли оказать сопротивление.

В горах уже появились отчаянные защитники народа, находящиеся вне закона гайдуки-федаины. Такие как Ахпюр Сероб. Но отряды эти были немногочисленны, и они были бессильны против регулярных войск и полчищ заптиев.

Армяне стоически и зачастую обреченно, в подавляющем большинстве случаев смиренно и безропотно воспринимали

беды, неуважение, грабежи и убийства. Если можно было откупиться бакшишем-подарком, по сути взяткой, они соглашались. Если дань курдов была посильной — они платили. Армяне терпели. Их утешали их епископы-вардапеты, слух убажвали церковные хоры, а возможность молиться в собственных церквах и говорить на родном языке, танцевать на свадьбах ярхушту* и кочари* могли на время развеять печаль, позволяли укрыться от внешнего мира в спасительном воображаемом коконе из иллюзий и надежд. Надежд на чудо, которое армянам мог подарить лишь Господь. Ведь избрал же Он армянскую гору Арарат для своего праведника Ноя, чтобы жизнь продолжилась и после потопа...

*ярхушта и кочари — древние армянские воинственные танцы, помогавшие настроиться воину перед боем. Их танцуют под звуки традиционных армянских музыкальных инструментов: зурны, дудука. Из ударных используются барабан-дхол (доол).

Глава 5. Судьба

По исполнению семнадцати лет Андраник Озанян, сын Тороса Озаняна, закончил школу одного из девяти армянских поселений, раскинувшихся вокруг замковой горы.

Учился Андраник не ахти как прилежно — нужно было помогать отцу в слесарном деле — для гончарного требовалось больше усидчивости. Дело спорилось. Работы хватало и трудиться было ради чего — для того, чтобы ни в чем не нуждалась не только их семья, но и тетя Астхик. Ее сын ценной своей жизни спас сестру от надругательства турка! Злой человек Мехмет-бей по слухам занял важную должность в Константинополе и грозился вернуться, чтобы наказать Назели за строптивость.

...Да, учился Андраник неважно. Но одно случайное знакомство все же повлияло на тягу Андро к знаниям, особенно к истории своего и окружающих народов и к географии с ее границами, городами и морями. Его стимул, первую и последнюю любовь, звали чудным греческим именем Вероника.

Первое знакомство случилось в момент, когда четверка сорвиголов делила добычу в укромном месте у термального источника, коих в местных горах водилось немало, пожалуй больше, чем в любом другом месте Анатолии.

За холмами пониже простирался пролесок, узкое ущелье

и речная долина. За ней виднелись обширные кукурузные поля, тянувшиеся до хребта. Злак прижился в Османской империи после того, как в 17 веке турки обложили данью Валахию, но до поры до времени они не брали подать за посе­вы кукурузы. Но потом, отведав угощение в виде каши из кукурузной крупы крупного помола, турки компенсировали свое первоначальное невнимание конфискацией у крестьян семян. Многотысячную армию нужно было хорошо кормить, а кормить хлебом и мясом было намного дороже, чем кукурузной кашей и маисовыми лепешками из кукурузной муки. Мясо вдоволь получали только янычары, иррегулярные силы кормили, чем придется и разрешали грабить окрестные села даже в мирное время...

Один из ребят из ватаги орудовал на пне топором. Он раз­делявал «трофей» — овечку из курдского стада, сперва сняв с нее шкуру, а затем разрубив пополам и отделив о задней части увесистый курдюк.

От курдов не убудет — наверняка у них украли украденное!

Другой юноша упаковывал куски в ветошь.

Андраник стоял в стороне и отрешенно размышлял о чем-то своем.

Сперва он безучастно смотрел на летящие от топора багровые брызги, потом отвернулся и стал разглядывать ровные кукурузные ряды. Початки, обернутые в крупные зеленые листья словно закутанные в пеленки младенцы, на его

зоркий взгляд будто бы шевелились.

— Этот жадный курд-мясник и не заметит, что мы стащили из его стада овечку, нужно было утянуть две — они тощие как тетя Астхик. — произнес, пытаясь пошутить, Григор после очередного удара по ребрам тушки.

— У нее пропал аппетит раз и навсегда после смерти сына. — заключил Арам, не оценивший юмор друга.

— Все равно лучший кусок отнесем ей. — заключил Ашот, — Там ведь твоя сестра навечно обосновалась. Назели совсем ни на кого не обращает внимания, словно носит траур и парней вокруг достойных больше нет.

В словах друга чувствовалась толика едва уловимой обиды, но Андраник не заметил упрека.

Он все внимательнее вглядывался в кукурузное поле, словно ждал благого вестника, который мог изменить его жизнь раз и навсегда. А быть может повернуть вспять жизнь целого народа. Их народа, замкнутого в анклавах и национальных кварталах. Теперь это зовется гетто или резервациями. А впрочем, нет разницы, как называют тюрьму грамотеи.

Эти четверо не считали свою родину и свой отчий дом тюрьмой. Эти горы были их любовью. Эти родники были их местом силы. А это ущелье и разбросанные в долине и у подножия замковой горы селения — их законные владения, где турок никакой не хозяин, а вероломный захватчик. Разве может турок гладить камни, разговаривать с ними, замечать,

как танцуют облака и шепчет ветер.

Их было четверо сорвиголов, которые с одинаковой силой ненавидели турок. На том и сдружились и старались действовать в команде, сообща обносить сады новопоселенцев, занявших жилища армян.

А украсть козочку или овцу с присвоенных курдами пастбищ считалось в банде юных «гайдуков» верхом героизма. Собаки не могли помешать воришкам — это были их собаки, коих из собственных рук кормили они еще мальчишками. Щенок не забудет доброту и не доверит новому хозяину сердце.

...Армянам воспрещалось не только хранить оружие, но и ездить верхом.

Первым приближающуюся всадницу заметил Андраник. Она мчалась меж кукурузных рядов грациозно и неукротимо. Она скакала прямо к их секретному месту. Похоже, горячий родник был ей известен не хуже, чем им. Иначе она бы свернула к другому пику, обогнув эти холмы. Она уже спускалась по пологому склону в ложбину.

Четверка неразлучных друзей наблюдала за всадницей из-за камней. Наездница скакала так искусно и ловко, что податливость лошади под ней казалась естественной и желанной. Девчушка словно сливалась с животным, добиваясь нужного аллюра без бича, сидя в седле без стремян и небрежно держа вожжи.

Восхищению бывшей ватаги Вагана, где теперь верхово-

дил Андро, не было предела. Они смотрели на несущуюся фурию с разинутыми ртами ровно до тех пор, пока та не спрыгнула с лошади у большой каменной глыбы прямо у подножия их «секретной» горы у той самой оливы.

Она привязала лошадь к отдельно стоящему оливковому дереву, что служило «злоумышленникам» ориентиром, и быстро пошла по их проторенной тропинке, к их «насиженным» камням, где «разбойничья братия» прятала трофеи и делила добычу.

Девушка с огненно-рыжими волосами и веснушками на переносице подошла к горячему роднику, пройдя мимо четверки из «грозной» шайки с видом абсолютного безразличия. А ведь она должна была как минимум испугаться!

Не тут-то было. Она ополоснула руки, набрала в ладони воду и брызнула ее на свое лицо. Затем, не глядя на сверстников, она сообщила будто бы между делом:

— Теперь я в вашей компании, так как знаю о ваших делишках и ваше секретное место. Чтобы я не рассказала о нем башибузукам или заптиям, вам стоит принять меня без возражений. Я так понимаю, главарь ты?

Андраник опешил, когда девушка обернулась к нему. Уже хорошо, что она была армянкой, а значит вряд ли бы выдала, хотя кто знает — среди доносчиков были и соседи...

— Как тебя зовут? — уставилась на Андро девушка.

— Андраник. — выпалил лидер шайки как на допросе, внутренне казня себя за растерянность, — Ты что, за нами

следила? И откуда у тебя лошадь?

— Украла так же, как и вы бедную овечку. — улыбнулась юная девушка и представилась, — Я — Вероника.

— Ты что гречанка? — удивился Григор, воткнув топор в пень и отложив на время свою разделку тушки.

— Я — армянская сирота, которую приютили греки в тот самый ужасный день в моей жизни, когда курды и карапапахы вырезали всю мою семью... — пожалуй, этой краткой автобиографии хватило, чтобы Веронику оставили в покое и не задавали лишних вопросов.

К тому времени Ашот разжег костер и шайка с гостьей уселись вокруг огня, приготовив шпажки и насаживая на них маленькие кусочки свежего мяса.

— А что нам за прок принимать ее в нашу банду? — игнорируя присутствующую, выронил вслух Арам.

— Она научит нас ездить верхом. — заключил Андраник, и Вероника, услышав его вердикт, как не силилась скрыть свой восторг, но глаза выдали неподдельное счастье, такое редкое в ее жизни. Из в гортани вырвался едва уловимый звук облегченного выдоха. Ее глаза на секунду даже увлажнились, но этого никто не заметил. Она быстро справилась с нахлынувшими эмоциями и, придав девичьему голосу всю возможную для этого твердость, неожиданно расставила все точки над «і» :

— Решено. Сделка есть сделка. Надеюсь, вы можете отличить стремяна от подков, а вожжи от оглобли! Хотя о чем

это я — оглобли нужны извозчикам, а мы — фидай!* Слышали о таких!? Нет! А я их видела. Своими глазами видела! И у нас теперь тайное сообщество, как у греков «Этерия»!* Они добились независимости, и мы добьемся свободы и отмстим за угнетение!

* армянские фидай — нерегулярные части, состоящие из гражданских лиц, добровольно оставивших свои семьи с целью вступить в силы самообороны в ответ на массовые убийства армян и разграбление армянских деревень преступниками, курдскими племенами и кавалеристами хамидие в период нахождения у власти в 1876-1909 годах султана Абдул-Хамида II.

*«Филики этерия» — буквально в переводе с греческого дружественные земляки или «общество друзей», тайное общество и подпольная организация греков, существовавшее в начале девятнадцатого века. Ее целью было создание независимого греческого государства. Члены «Этерии» базировались в Греции, в Понте в Османской империи и в Одессе в Российской Империи.

...Это была любовь с первого взгляда. Обоюдная и на всю жизнь. Она смеялась так же заразительно, как сестренка Назели. Они встречали рассвет на скале с крепостной стеной и бежали, взявшись за руки, по секретной тропе в горы к их тайному месту.

Они подтрунивали над Григором, который всякий раз па-

дал с лошади, как только пытался сдвинуть ее с места, словно под ним был выучный осел, упрямый донельзя.

Лучше всего верховая езда давалась Андранику. Он держал осанку и с ловкостью менял аллюр.

Так продолжался месяц, Они даже выстроили из камней загон для лошадки, накрыв его ветвями самшита, чтобы прятать от ненастья. Но спустя месяц «воительница» Вероника изрекла так же вдруг как появилась:

— Вы научились. И управляете лошадью не хуже заптиев.

— Не хуже заптиев! — смеялись парни, — Сказала тоже! Да мы их обгоним, словно под ними не кони, а ослы.

Вероника пресекла шутки внезапным объявлением:

— Ее нужно вернуть в табун.

— Ты собираешься вернуть лошадь курду? — изумился Андраник.

— Конечно. — уверенно ответила она, словно задумала коварный план, сомневаясь, стоит ли посвящать в него друзей.

Взглянув на Андраника, томимого любопытством, она сдалась.

— Вернем его совсем другому курду. Тому, что пасет свой табун ближе к дальнему ущелью, где Келькит сужается и течет быстрее. А потом «добрый вестник» намекнет пострадавшему, что его обокрал курд из другого племени. Этот жадный жирдяй в тюрбане обязательно отправится на поиски своей лошади и, конечно, узнает ее из сотни. По этим яб-

локам на сером. Стравить зверей — что может быть забавнее!?

Именно так все и произошло. Вероника реализовала свой план и стравила двух курдских табунщиков, продававших лошадей отрядам хамидие. Она спровоцировала ссору, переросшую в откровенную вражду и завершившуюся поножовщиной со смертельным исходом. Правда, прибывший уладить и унять конфликт курдский вождь Башир Халил вместо того, чтобы рассудить все миром наказал обоих, забрав по три лучших скакуна у каждого...

Глава 6. Дипломатия невест

1882 год. Южное побережье Черного моря. Гиресун, город и порт в 175 километрах от Трапезунда

Греческое имя девушки не было редкостью в тех краях. Малые народы с похожей судьбой обитали рядом.

Малышку-сироту из армянского вилайета, селения которого подверглись насилию и погрому кочевых племен и с молчаливого одобрения властей, выходила и приютила зажиточная бездетная пара.

Это были греки из прибрежного Гиресуна. Главой семьи являлся заводчик лошадей для верховой езды, друживший с самим мутесарифом. Звали грека Ионидис Константиnidис.

Успешный делец входил в качестве интенданта в систему снабжения османского гарнизона в Трапезунде, мог себе позволить запрягать четырьмя лошадьми свою карету и уступал по статусности экипажа только владельцу виноградников и оливковых рощ, греку из Трапезунда Геогиадису, скупщику антиквариата и обладателю самой известной в Понте коллекции античных статуй. Породниться с ценителем старины и владельцем лучших винных погребов Ионидис почел бы за честь. Тем более, что у Геогиадиса был сын по имени Архилох*, его называли в честь античного поэта, по сути неотесанный недоросль, который в случае кончины богатейшего

человека во всем Понте унаследовал бы несметные сокровища отца, о которых судачили во всех илах*.

*Архилох (др-греч. Ἀρχίλοχος, [лат.](#) Archilochus) [древне-греческий](#) поэт.

* **Ил**— административная единица второго уровня в Турецкой Республике, провинция.

Приемную дочь Веронику Георгиадисы заметили, когда Ионидис привез в Трапезунд на продажу, любезно санкционированную мутесарифом, нескольких лошадей. Не смотря на постоянные войны и восстания, греку позволили немного заработать: он уплатил не только подать, но и внушительный бакшиш, заодно бесплатно доставив фураж для османских топчу*. В лояльности заводчика к империи не сомневался и вали-губернатор провинции. Поэтому некоторым греческим, иудейским и армянским богачам многое сходило с рук, на что-то закрывались глаза. То, что было строго настроено под запретом, позволялось тем, кто мог отвалить взятку и купить свое право торговать чем угодно и с кем угодно — лишь бы это не вредило османскому правлению, вернее — лишь бы это не стало предметом всеобщего обсуждения, достоянием гласности, базарной новостью, а еще точнее — лишь бы это не донеслось до ушей сановников Дивана...

*топчу — корпус османской артиллерии

Война завершилась, но не смотря на то, что победоносно-

го русского царя убили революционеры, а Румыния, Болгария, Сербия и Черногория получили свободу, дыхание грядущей войны ощущалось все сильнее. Войну с русскими предрекали даже дервиши.

По сему такие люди как Ионидис Константиnidис и эфенди Георгиадис были ценны для вали. На них можно было рассчитывать намного больше, чем на местное национальное духовенство, на этих «лукавых епископов и вардапетов», которые могли настроить греков и армян на активное сопротивление и помощь русским. «Ведь русские называют Черное море Русским... И им до Трапезунда намного ближе, чем до Навары*...

Османь прекрасно осознавали, что без поддержки Британии, Франции и России греки из «метрополии» не добились бы суверенитета. Это осознавали и понтийские греки. Но им повезло гораздо меньше.

* Наваринское морское сражение 1827 года — крупное [морское сражение](#) в Ионическом море между соединённой русско-англо-французской эскадрой с одной стороны, и турецко-египетским флотом — с другой. Разгром [турецкого флота](#) ослабил морские силы Турции, что послужило значимым вкладом в победу России в Русско-турецкой войне, начавшейся после закрытия турками Босфора. Наваринское сражение обеспечило поддержку греческого национально-освободительного движения, результатом которого

по Андрианопольскому мирному договору стала автономия Греции. Независимость Греции была подтверждена Лондонским протоколом 1830 года.

Они находились под гнетом осман. С тех самых незапамятных времен, когда император Давид Первый из династии Комнинов сдал Трапезунд без боя и вынес ключи от торгового города и столицы Трапезундской империи султану. Через два года после капитуляции его казнили на подаренной за сдачу Трапезунда вилле. Тяжесть обвинения соответствовала титулу последнего императора Трапезундской империи. Давида обвинили в заговоре, который под боком у стражи и соглядатаев он и при желании не смог бы возглавить. Его участь была предreshена происхождением. У мертвой империи не может быть живого императора...

Не помогла императорам Комнинам их «дипломатия невест» — своих дочерей они выдавали за царей и правителей соседних государств, рассчитывая в случае нашествия осман на их поддержку. Но ни брак предшественника императора Давида Иоанна на грузинской царевне, ни помпезная свадьба их дочери Феодоры Комнины с ханом Ак-Коунлу турком Узун-Хасаном, не спасли Трапезунд от падения. А ведь на этом выгодном с точки зрения политики союзе настоял ее дядя, Давид Первый, ставший после смерти ее отца императором и отказавшийся себе на погибель сражаться с османами...

Дорогие гости прибыли в Гиресун на виллу Ионидиса

Константинидиса со своим отпрыском Архилохом. В карету плантатор запряг тех самых лошадей, что Георгиадисы приобрели у заводчика в присутствии Вероники.

Важных гостей встречали слуги с подносами, на которых в знак гостеприимства стояли кубки с вином и сыром, хозяева виллы стояли у шатра с фонтанами по периметру вместе с дочерью, облаченной по случаю в юбку-фусту и туго зашнурованный греческий жилет, опоясанный широким парчовым поясом с орнаментом «миандр»*. — Калимера, кириос Георгиадис*! Как добрались, путь из Трапезунда не близок. — вежливо поинтересовался отчим Вероники.

* Меандр (греч. μαίανδρος) — распространённый тип ортогонального орнамента, применявшийся в античном искусстве и украшении туник в Древней Греции. Образуется ломаной под прямым углом линией либо спиральными завитками.

* Калимера (греч. Καλημέρα) — традиционное греческое приветствие, которое означает «доброе утро» или «добрый день».

* кириос — господин.

— Эти кони ретивы так же, как красива ваша дочь! — лукаво улыбнулся плантатор и едва заметно подтолкнул своего недоросля вперед, чтобы тот хотя бы кивнул в знак приветствия. Тот нехотя исполнил волю отца, про себя огрызнувшись, что было заметнее, чем его неуклюжее приветствие.

Слуги подали вино, и Архилох сразу осушил кубок, произвольно рыгнув, чем вызвал неодобрение отца, что так же бросилось в глаза.

— Мы, знаете ли явились с серьезным поводом и с добрыми намерениями! И тоже со сладостями, подарками и с ложкой*. Сынок, прикажи принести сундучок с монетами. Такова уж традиция. Сынок недовольно отправился по поручению отца в сторону кареты.

— Предлагаю сперва разделить с нами скромную трапезу. Как говорится, что Господь даровал. А потом уж поведаете, с чем пожаловали и чем удостоила нас такой чести столь влиятельная семья Трапезунда. — пригласил к столу кириос Константинидис, словно не подозревая каков повод столь «неожиданного», но давно запланированного визита.

Кучер Георгиадисов принес сундучок. Его открыл отец Архилоха. Там находились золотые весом в шесть граммов и серебряные монеты «меджидие» номиналом по 100 и 20 пиастров соответственно, парочка жемчужных ожерелий и кольцо с огромным аметистом. На самом верху сияла ложка. Но не традиционная деревянная, а золотая.

* обмен ложками при сватовстве означал, что при согласии родителей и молодых у новой семьи будет общий кров, единая жизнь,

Гости расселись за уставленным яствами столом с греческим салатом с сыром фета и оливками, фаршированной

скупбрией с помидорами и пряной травой «орегано», ананасами и красным вином, предусмотрительно купленным в винодельне Георгиадиса. На столиках у шатра под сенью пальм и фикусрв стояли поднос с армудами и медом.

— Да... — многозначительно изрек Ионидис, прерывая неловкую паузу, длящуюся целую вечность и поглядывая на супругу, которая протирала деревянную ложку, предусмотрительно приготовленную для обмена, платочком с вышивкой.

Паузы хватило, чтобы Архилох съел свой кусок рыбы и запил его вином. Мачеха разглядывала золото и жемчужное ожерелье, слепившие из сундучка пуще солнца. Там было целое состояние. Девушка же на сундук даже не взглянула, пригубила вина, но ничего не съела. Она согласилась снять с себя шелковое армянское энтари и широкие штаны и затянуть шнурками длинный жилет только из уважения к отчиму, и ждала с нетерпением, когда все это закончится...

— Да, это я попросил Веронику отобрать тогда тех четырех лошадей, — прервал молчание заводчик Ионидис и льстиво заметил, — Чтобы они соответствовали статусу самой знатной греческой семьи Трапезунда. Моя девочка знает толк в лошадях, днями и ночами на пролет проводит время в конюшнях и в загонах. Сама любую лошадь способна объездить. Одним своим прикосновением успокаивает норовистых жеребцов. Она словно ворожея у нас. Перестают упрямые кобылы при ней вздыбливаться, бить копытами, даже

издавать тревожный храп.

Архилох на этом месте рассказа о предполагаемой будущей супруги поперхнулся. Но вовремя запил вином. Его несуразный вид: нос картошкой, кучерявые волосы и оттопыренные уши при абсолютном отсутствии шеи заставили Веронику улыбнуться, что отцу жениха хорошим знаком.

— Пусть она сама о себе расскажет! — предложил кириос Георгиадис, — Помню ее ангельский голос, в нем чувствуется небольшой армянский акцент. Но он придает речи особый колорит.

Да, у доченьки много талантов, и к языкам. И к музыке. Перед горячим блюдом я с вашего позволения попрошу сыграть ее на понтийской лире.*

* *Кеманча*или понтийская лира— старинный струнно-смычковый музыкальный инструмент, распространенный у многих народов, в том числе армян, тюрков, персов, понтийских греков. Слово *кеманча*(с перс. «кеман»— смычок) означает «небольшой смычковый инструмент». *Кеманча* изготавливается из тутового, орехового дерева или кокоса и имеет от трех до шести струн. Инструмент часто украшают перламутром и костью.

— Конечно. — закивал плантатор и на всякий ударил локтем сидящего рядом сына, так как предположил, что того разморило дальней дорогой и вином, и Архилох засыпает.

Услышав одобрение, отчим продолжил расхваливать при-

емную дочь:

— Она и стихи сочиняет!

— Стихи!? — искренне восхитился Георгиадис. — Вероника, не прочитаешь нам что-нибудь свое. Архилох назван в честь поэта античности. Он жил в Паросе в седьмом веке до нашей эры. У меня есть его статуя. Первый лирик Европы. Он создал жанр ямба как оружия личной сатиры. Он был наёмным воином. Вот послушай:

Мне не мил стратег высокий, с гордой поступью стратег,
С дивно-пышными кудрями, с гладко выбритым лицом!
Пусть он будет низок ростом, пусть он будет кривоног,
Лишь бы шел он твердым шагом, лишь бы мощь в себе
таил...

Талант, не правда ли! ? А ты?! Прочитай нам что-нибудь из своего!

— Я пишу на армянском. Но могу перевести на греческий. — скромно ответила Вероника.

— На армянском? Не понимаю? — выразил недоумение кириос Георгиадис и с неодобрением глянул на заводчика.

— Да вот, захотела учиться в армянской школе и ездила несколько лет в Карахисар. — оправдательно заворковал заводчик, — Я же не деспот, любую прихоть своей дочурки готов исполнить. Но и греческое домашнее образование Вероника получила, не сомневайтесь.

— Так она прихожанка Армянской церкви? — не в силах скрыть неодобрение спросил кириос Георгиадис.

— Армяне — христиане. — напомнил Константинилдис. Такой ответ плантатор посчитал за дерзость.

— Да, только они в Храме Гроба Господнего в Иерусалиме, куда я совершил паломничество в прошлом году, с греческими дьяконами все время дерутся, даже по самому ничтожному поводу — например, чья очередь на уборку храма! Да и в Трапезунде я с армянскими дельцами я стараюсь дел не иметь — все они шельмы! — перешел на крик гость, но быстро успокоился, так как смекнул, что лучшей партии для его оболтуса в округе не сыскать, а тут будет чем упрекнуть строптивую невестку.

Протерев платком вспотевший лоб и отпив пару глотков из кубка он задал еще один вопрос:

— И как же ты добиралась из Гиросуна до армянской школы.

— Верхом. — глядя прямо в глаза плантатору поведала девушка, — До него от Карахисара вдоль русла Волчьей реки не больше двух лун на быстрой повозке, а верхом можно обернуться и за день. Я проворная наездница! Преодолевала расстояние с учетом передышек и огибания мечетей, коими усеяны холмистые берега Келькита, меньше, чем за пять часов. И мне не нравится Архилох!

Архилох заерзал на инкрустированном кресле из Дамаска, схватившись за подлокотники, но его страх был связан исключительно с ожиданием реакции отца, который мог обвинить сына в том, что тот виноват, что эта надменная

выскачка не оценила его, наследника крупного состояния, должным образом.

Однако, после дополнения Вероники, отпрыск Георгиадисов с облегчением выдохнул. Она продолжила:

— Я имею в виду поэта. Мне больше нравится греческий поэт Ригас*, вдохновивший греков на борьбу с османами.

*Ригас Констандинос — греческий поэт конца XVIII века. Писал свободолюбивые, воинственные песни. Был выдан австрийскими властями туркам и по распоряжению белградского паши казнён в 1798 году. Мученическая смерть поэта усилила значение и влияние его песен. По всей Греции и всюду, где проживали греки, стали образовываться тайные общества, гетерии (дружества), имевшие целью освобождение Греции.

Она встала из-за стола и начала декларировать «Военную песнь» Ригаса:

Воспряньте,
Греции народы!
День славы наступил.
Докажем мы, что грек свободы
И чести не забыл.
Расторгнем рабство вековое,
Оковы с выи мы сорвём;
Отмстим отечество святое,
Покрытое стыдом!

К оружию, о греки, к бою!

Пойдём, за правых Бог!

И пусть тиранов кровь — рекою

Кипит у наших ног!..

Теперь встал кириос Георгиадис и подал знаки жене, чтобы та направлялась к выходу, заодно прихватив привезенный в дар сундучок. Отчим Вероники покачал головой, догадавшись, что «сделка» сорвана». А Вероника продолжала, словно подгоняя влиятельную супружескую пару из Трапезунда с их неуклюжим сынком, кудри которого торчали как у овцы перед постригом, к выходу.

...К оружию, о греки, к бою!

Пойдём, за правых Бог!

И пусть тиранов кровь — рекою

Кипит у наших ног!

О Спарта, Спарта, мать героев!

Что рабским сном ты спишь?

Афин союзница, услышь

Клич мстительных их строев!

В ряды! и в песнях призовём Героя Леонида,

Пред кем могучая Персида

Упала в прах челом!

Георгиадис чуть не упал, споткнувшись. Его словно окатили в этот летний зной холодным душем, но он был ледяным как снег на пиках армянских гор.

Как только гости встали из-за стола, налетели голодные

чайки, давно дежурившие у прибрежных скал и вззирающие с высоты на виллу с шатром, где на резном столе пропадало столько пищи. Для птиц нет преград и заборов. Яства манили и придавали бесстрашия.

Толстый баклан спикировал на тарелку плантатора и вцепился клювом в кусок скумбрии. Чайки кружили возле мангалов и вертела, где слуги разделявали тушку барашки, готовя основное горячее блюдо. Казан с пловом был накрыт, но издавал настолько притягательный аромат, что крупный баклан, умыкнувший кусок Георгиадиса, чуть его не выронил, пролетая мимо...

Недоросль прыгнул в карету первым, не подав матери руки — похоже, воспитанность являлась еще одним недостающим качеством болвана.

Вероника, словно одержимая, не осталась на месте, а вскочила и пошла за Георгиадисами, не сомневаясь, что они уносят ноги. Какое бескультурье! Они даже не собирались поблагодарить за радушный прием и попрощаться с хозяевами дома!

Мачеха Вероники тяжело вздохнула, но с не встала с резного табурета. Лишь моргнула служанке поднести пиалу с медом. Та поставила чашечку с янтарным вязким деликатесом, собранным на собственной пасеке кириоса Ионидиса, перед хозяйкой. Женщина использовала протертую ритуальную ложку по прямому назначению, пригубив лакомство. Затем зачерпнула больше, облизнула ложку и запила чаем.

Вспомним, братья, Фермопилы,

И за свободу бой!

С трёхстами храбрых — персов силы

Один сдержал герой...

Кучер ударил по вожжам. Плантадор спрятался за стенку кареты, проронив напоследок:

— Эта семейка подведет нас под монастырь. Она же истинная Немизида*, одержимая мстостью! Отъезжая от виллы Георгиадис не предъявил сыну ни одной претензии. Единственным из троицы в карете, кто всю дорогу улыбался, был Архилох. Его родители промолчали весь путь и, только въезжая в Трапезунд, плантатор спросил жену:— Ты забрала золотую ложку? В ответ она утвердительно кивнула. Сын сладко спал на сиденье, уткнувшись в подушку. Слугам по приезде пришлось перенести его на кровать в доме.

*Немезида — (Немесида, др.-греч. Νέμεσις — «возмездие») — в древнегреческой мифологии крылатая богиня возмездия, карающая за нарушение общественных и нравственных порядков. В последствие армянские мстители из партии «Дашнакцутюн» называли свою операцию по ликвидации виновников геноцила армян 1915 года «Немезис» в честь греческой богини возмездия.

Глава 7. Кровь

Отец даже не пожурил приемную дочь. Он все понял и осознал свою ошибку. Потрепав свою бороду и почесав ухо, кириос Ионидис подошел к дочери и шепнул ей на ухо:

— Прости меня, доченька.

Он слишком любил ее, чтобы отдать ее в семью, которая не достойна ни ее красоты, ни пережитого ей опыта. К тому же, эти жестокосердные трапезундские олигархи Георгиадисы никогда не смирились бы со свободолюбивой натурой Вероники и попытались бы поставить ее на место, затюкать, она была бы несчастна. А потом на нее бы вылили ушаты грязи и обсыпали бы камнепадом упреков. Ведь она могла не родить...

Разве мог допустить отец такую несправедливость в отношении пусть и не родной, но воспитанной им с пеленок девочку, взлелеянную им и супругой как родное дитя. А в начале ее нужно было выходить...

Благо, когда врач-хэким Ованес обнаружил девочку в разграбленном и оскверненном доме, он сразу обратился к кириосу Ионидису, так как знал его чуткость к чужому горю, непоколебимую веру в чудо и желание завести ребенка.

Хэким Ованес считался лучшим доктором во всех армянских вилайетах. Турки признавали это, и еще в 1854 году посадили врача Ованеса в обоз, а затем на парусный фрегат.

Так хэким Ованес был задействован в организации полевых госпиталей во время Крымской войны с русскими. Там он многому научился и приобрел бесценный опыт.

Ей было полтора года от роду, когда в ее дом ворвались головорезы и убили всех ее близких. Но сперва они подняли за ножки полуторагодовалую девочку и потребовали у ее матери выдать все ценности добровольно. Мать, не задумываясь, достала из комода все украшения, но курд не поверил и ударил девочку кулаком, а затем раскачал и швырнул словно живодер беззащитного котенка, без капли сострадания, невинное дитя со всего размаху.

Девочка, рыдавшая во весь голос, затихла, когда ударилась головой об стену глинобитного дома. Когда убийцы уходили, они подожгли дом, чтобы стереть все следы преступления. Они боялись не Бога и не властей, а своего племенного вождя, с которым пришлось бы делиться даже скудной добычей. А так, мало ли что случилось — пожар замечает улики...

Осмотрев ожившего младенца, вынесенного соседями из горящего дома, хэким Ованес вынес свой вердикт: удар головой не страшен, гематома при надлежащем уходе и при щедром финансировании лечения малышки кириосом Ионидисом скоро рассосется. А вот ушиб таза в области лонного сочленения лобковой кости — травма более серьезная и впоследствии грозит воспалением и кистой в самом неподходящем для женщины месте... Она будет жить, но испытывать

боли, и вряд ли сможет родить.

Разве мог помнящий все перипетии судьбы малышки удочеривший ее и назвавшей именем истинной победительницы отец хоть на минуту представить, что его Вероника, покинув отчий дом, не может согреться простым человеческим теплом в чужой семье. Ведь никакое богатство в мире не заменит любовь.

— Отец, — она обняла отчима, увидев слезы в его глазах, — Это ты прости, что не оправдала твоих надежд. Но я не могу пойти против воли. И... У меня уже есть избранник. Я хочу отправиться навстречу своей судьбе, если ты разрешишь.

— Он армянин... — Ионидис не спрашивал, Он знал. — Как его зовут?

— Андраник.

— Это к нему ты всякий раз стремишься стремглав на чужом жеребце? — попытался изречь шутку отец, — Бери лучшего коня из конюшни и скачи к своему Апполону...

— Я хочу родить от него льва, который отомстит за всех нас, если он сам не успеет... — теперь плакала Вероника.

— Месть Бог велел оставить ему. Думай о жизни, смирившись с болью. Наслаждайся светлыми днями. — посоветовал отец. — Хотя кому я это говорю? Моей свирепой воительнице Веронике, подобной грому и амазонкам.

— Я всего лишь армянка и моя жизнь и есть месть. Ибо я не должна была выжить, и ты это знаешь.

Кириос Ионидис опустил глаза, Его голос дрожал, он знал, что прощается со своей дочерью навсегда. Он сказал:

— Кровь, она зовет тебя в путь. Она зовет тебя домой... Но знай, что здесь тоже твой дом... И ты всегда можешь вернуться.

Она обняла свою вторую маму, и со всей решимостью отправилась в свою комнату. Девушка расшнуровала тугой жилет и аккуратно сложила греческую одежду на кровать с белоснежными простынями, ту самую, где помимо кошмаров снились и сладкие сны. Она сбросила неудобные царухи* с разноцветными помпонами и надела «чмушк»* — свои любимые шлепанцы без задников из сыромятной кожи.

* Царухи (греч. Τσαρούχι, во множественном греч. τσαρούχια) — один из видов кожаных ботинок-сабо, часть национального греческого костюма.

***Чмушк** — традиционная армянская обувь, остроносые туфли без задника на небольшом каблуке, с сильно загнутым кверху носком. Они изготавливались из чёрной кожи (мужские) или зелёной (женские), имели кожаную подкладку, а лицевая поверхность обильно расшивалась линейными узорами

Она прощалась с прежней жизнью, невольно сопоставляя условия, в которых ей приходилось обитать в школьные го-

ды, а зачастую это были сырые крипты армянских храмов в окрестностях Карахисара, с роскошью прибрежной виллы одного из самых богатых жителей Гиресуна.

Но одно было точно — на кушетке в монашеской келье или на грубой соломе амбара ей спалось спокойнее, она стремилась туда, где свобода не ищет комфорта, а расправляет крылья, чтобы взлететь.

Да, она расставалась с беззаботной жизнью и собирала свой скромный скарб решительно и бесповоротно.

Бесшабашность присуща молодым максималистам, не боящимся окунуться в настоящий водоворот, что сулит опасности, но и открывает новую страницу собственного летоисчисления. Юные сердца не приемлют компромиссов. Они могут отправиться в путь без оглядки, рассчитывая на собственные силы, но не просчитывая последствий.

Долгие прощания — лишние слезы... Она оседлала проворного скакуна и натянула вожжи. Ворота были открыты, и у них стоял отец, скрывающий слезы...

Когда она проезжала рядом, он успел протянуть свою морщинистую руку, чтобы в последний раз прикоснуться к ноге своего дитя.

...Она скакала по набережной мимо порта, где всегда шла оживленная торговля, и где ее отчим был далеко не последним человеком. Ком в горле периодически появлялся, но дальняя дорога требовала сосредоточенности — действие

подавляет тревогу...

Глядя на море, где штиль стоял до горизонта, а седые волосы морской ряби отражали солнечные блики, она вдруг подумала, что все народы мечтают о море, естественной житнице жизни и обители красоты. Армяне чем хуже? И почему их мечты должны отличаться?

Пришлый кочевник оттеснил их от моря. Как жаль. Сделал их безропотными инородцами даже в Киликии, на собственной земле! Турок снисходительно позволил смотреть на море, любоваться его закатами, словно его воля есть воля самого Всевышнего.

Армянам остались лишь горы, шепот которых мог успокоить скитальца. Им достались их камни.

Но они научились возделывать каменистую почву и валять шедевры из известняка, доломита и пористого вулканического туфа. Из того, что не смогут отнять, ибо не неискушенный взор воителя, для которого легче забрать, а не создать, не увидит в том ценности. Чтобы увидеть в камне красоту, его сперва нужно обработать. Лишь обточенный, отшлифованный, с резьбой и орнаментом он приобретает цену. Но армяне видят многое наперед.

Многое? Тогда почему они не смогли предвидеть того, что с ними сделают турки? Так размышляла Вероника. Почему не объединились, чтобы дать отпор!? Ведь это же прописная истина — только вместе можно одолеть врага!

Она знала, что брусчатку в порту клали армяне. Что го-

родские власти нанимали их и платили за труд. Что красоты Гиресуна — во многом заслуга ее соотечественников.

Она любовалась городом своего детства, роскошными особняками, окруженными пальмами и кипарисами, рыбацкими лодками, усеявшими гавань... Но увидев красный флаг с белыми полумесяц

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.